

НОВЫЙ Журнал

№290

НЬЮ-Йорк

дилось соглашаться на малоинтересные коммерческие предложения, не по внутреннему убеждению, а по обязанности. Зато не довелось писать портреты вождей-тиранов, судьба уберегла его от колеса репрессий, как это случилось с некоторыми из его друзей, решивших вернуться на родину...» (с. 282).

Можно по-разному отвечать на итоговый вопрос автора книги. Вполне и стабильно счастливым, вероятно, Николаю Ремизову быть не довелось. Но нельзя не признать того, что, много лет самоотверженно и беспощадно «растрачиваясь», он не так уж много потерял в итоге. Напротив, благодаря и вопреки всему сумел проявить свои незаурядные силы, реализоваться в разных областях, творчески запечатлеть и себя, и ту реальность, в которой ему довелось тратить свои дни, обогатив мировую культуру – и российскую в частности, которая была бы гораздо беднее, будь в ней лишь то, что печатали во времена Ремизова центральный партийный орган «Правда» и всегда беспощадный к любым врагам журнал «Крокодил».

Евгений Голлербах

Владимир Варшавский. Ожидание. Проза, эссе, литературная критика. – М.: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына: «Книжница». – 2016, 752 с.

Имя Владимира Сергеевича Варшавского (1906–1978) принадлежит к числу наиболее цитируемых в работах, посвященных Русскому Зарубежью, особенно – об эмиграции второй волны. В. С. Варшавский – автор знаменитой книги «Незамеченное поколение» о поколении тех, кто детьми покинул красную Россию и чье творческое становление прошло уже в эмиграции. Отдельным изданием книга вышла в Нью-Йорке в 1956 году.

Жизнь Варшавского складывалась не по классическим канонам изгнания. Хотя начало было узнаваемым: детство в Москве, эвакуация из Севастополя, затем – Чехия, Париж... Именно там появились его первые литературные опыты. На них сразу обратил внимание «метр» литературы русского Парижа Георгий Адамович. Проза и публицистика молодого автора полностью отвечала его требованиям аскетичности слова и правдивости. Даже в самых ранних произведениях Варшавского обращали на себя внимание высокая культура его письма. Рассказ «Шум шагов Франсуа Виллона», посвященный «певцу дна» парижской богемы, как и размышления над судьбой литературы русской эмиграции, опубликованные в журналах «Числа» и «Воля России», сразу были отмечены вниманием признанных мастеров слова Русского Зарубежья.

Однако взлет молодого прозаика прервала война. Его оценки происходящего отличались независимостью суждений. В отличие от взглядов, скажем, его отца, считавшего гитлеровское нападение началом освобождения родины от большевизма, Варшавский никаких иллюзий на этот счет не

питал. Он ненавидел любую тиранию, и это неприятие впоследствии с блеском обосновал в своих статьях.

Владимир Сергеевич пошел добровольцем во Французскую армию. В одном из фронтовых эпизодов, оставшись один на линии огня, он не отступил перед фашистами. За это Варшавский поплатился четырьмя годами немецкого концлагеря на территории Померании. В 1947 году Владимир Сергеевич за подвиги во время войны был удостоен одной из высших наград Франции – Военного Креста с Серебряной звездой.

В послевоенной Европе писатель не смог обрести себя и уехал за океан. Там, несмотря на очень тяжелый первоначальный период, он сумел найти свою звезду. Этому способствовала служба в ООН, потом на радиостанции «Свобода». Брак с Татьяной Дерюгиной, работавшей переводчицей, оказался во всем благотворным для Варшавского. Именно Татьяна Георгиевна, спустя тридцать лет после кончины мужа, передала в Дом Русского Зарубежья архив мужа. Этот дар стал возможен благодаря хлопотам известного историка литературы эмиграции, ученого секретаря ДРЗ Марии Васильевой. Совместно с Олегом Коростелевым и Татьяной Красавченко была подготовлена к печати эта книга.

В центре сборника, вне сомнения, – роман «Ожидание», вышедший первоначально в парижском издательстве YMCA PRESS в 1972 году. Произведение написано от лица русского изгнанника Владимира Гуськова, это своего рода исповедь автора «Незамеченного поколения». Варшавский развернул широкое полотно жизни эмиграции. Благословенные московские улицы Москвы до 1914 г., знаменитая русская гимназия в Моравской Тршебове под Прагой, парижская литературная жизнь. И конечно, ужасы Второй мировой, толпы беженцев, фронт и бесконечный лагерь в Германии. «Вот этой двуединой правдой – о человеке и о мире в человеке, о призвании человека дать миру ‘человеческое значение’, найти и самого себя, и мир, и всю жизнь ‘в чьем-то вечном сознании’, – и живет, и движется творчество Варшавского», – так писал один из известных мыслителей русского изгнания протопресвитер Александр Шмеман. Этот отзыв, как и ряд других рецензий, посвященный Варшавскому, также приведен в книге.

Представленная в сборнике проза – это попытка осмысления произошедшего. Но это еще и тексты, написанные ясным, точным, подчас жестким языком. Писатель удивительно конкретен в каждой детали. Вот как, к примеру, описывал он одно из собраний русской эмиграции в Нью-Йорке: «Я всматривался: как больные тыквы на бахче, голые, усыпанные коричневыми пятнами черепа мужчин, седые, подкрашенные лиловым, букли женщин. Морщинистые, благородные, с отпечатком ‘критической мысли’ лица бывших курсисток, подпольщиков, бундовцев, земцев, борцов за светлое будущее, читателей толстых прогрессивных журналов, авторов бесчисленных политических и экономических брошюр, гневных памфле-

тов и передовиц. Последние из русских интеллигентов. Верно ни над одним поколением история не посмеялась так жестоко. Все они отдали свою молодость делу борьбы с несправедливостью самодержавия только для того, чтобы увидеть возникновение нечеловеческого мира сталинских концлагерей. И все-таки я чувствовал – они были счастливы.»

Причины постигшей Россию и весь мир в XX столетии катастрофы не могли не волновать Варшавского. Уже в конце жизни, в Европе, он начал работать над книгой «Родословная большевизма». В отличие от американского политолога Ричарда Пайпса, объявившего, что истоки коммунизма и большевистского террора следует искать в самом менталитете извечно рабского русского народа, Варшавский стоял на абсолютно противоположной точке зрения. Он яростно доказывал, что Россия и СССР – это совершенно разные исторические явления, что корни всего произошедшего надо искать в «марксистско-эсхатологическом мифе мировой революции».

Книга Варшавского – это возвращение в нашу жизнь наследия одного из самых значительных прозаиков русского изгнания.

Виктор Леонидов

Михаил Соловьев. Когда боги молчат. Малая война (Записки советского военного корреспондента). – М.: АИРО-XX, 2017.

Через пятьдесят лет после выхода на Западе романа «Когда боги молчат» Михаила Соловьева, практически не известного на его родине автора, книга была издана, пусть и с небольшими купюрами, в России. Это эпохальный срез настолько крупного масштаба, что временной, эмоциональный и сюжетный диапазон роднит его с такими классическими произведениями XX века, как «Тихий Дон» М. Шолохова и «Доктор Живаго» Б. Пастернака. Об этом пишет и литературовед В. В. Агеносов, автор предисловия и составитель книги, говоря о точной «диалектической оценке» Гражданской войны, какую дал М. Соловьев.

Хотя публикация в России осуществлена впервые, фактически это уже третье издание на русском языке. Еще до своего появления в виде отдельной книги в 1963 году в Нью-Йорке отрывки из произведения публиковались в известном общественно-литературном журнале русского Парижа «Возрождение» (1951). Можно представить себе реакцию редактора «Возрождения» С. П. Мельгунова, получившего этот текст. Сразу стало ясно, что появился талантливый автор из «новых» эмигрантов второй волны, со свежим взглядом, обладающий своеобразным стилем. Кроме того, Мельгунов не мог не заметить знания материала «из первых рук». Вместе с тем, взвешенная позиция писателя, выступившего тогда под псевдонимом «Бобров», не давала повода сомневаться, что, хотя он пишет с симпатией о героях революции, все же он – «свой».

Первоначально роман назывался «Марк Суров», позднее – «Когда